

НА ПАРОХОДЪ.

(Замѣтки съ натуры).

Пароходъ идетъ изъ Рыбинска въ Нижній. Большинство пассажировъ первыхъ двухъ классовъ—будущіе посѣтители всероссійской выставки—ѣдутъ изъ Петербурга.

Маленькій самолетскій пароходъ переполненъ. Публика сидитъ на верхней палубѣ, смотритъ на Волгу и ея берега и громко высказываетъ свои сужденія.

— Вотъ вамъ и хваленая Волга, — говоритъ за Костромой какой-то сухой господинъ въ фуражкѣ съ синимъ околышемъ. — Наша Нева куда красивѣе. А тутъ однообразіе полнѣйшее, просто глазъ утомляется, точно идешь въ тысячный разъ по Литейной.

— Вы въ Нижній? — обращается обличитель Волги къ пассажиру, который сидитъ рядомъ съ нимъ и выслушалъ его тираду о сравнительныхъ красотахъ Волги и Невы.

— Да, я ѣду въ Нижній, — отвѣчаетъ тотъ.

— На выставку?

— Нѣтъ, я нижегородецъ.

— Значитъ, вы Волгу хорошо знаете?

— Немножко знаю. Ѣздилъ до самаго Каспія.

— Такъ, пожалуйста, скажите, изъ Нижняго по Сурѣ ходятъ пароходы? Мнѣ нужно въ Алатырь съѣздить.

Нижегородецъ удивленъ вопросомъ о сурскихъ пароходахъ и переспрашиваетъ:

— Изъ Нижняго по Сурѣ?

— Ну да, — отвѣчаетъ синій околышъ — Мнѣ не хотѣлось-бы ѣхать по желѣзной дорогѣ.

— Но, сударь, въ Нижнемъ, собственно, никакой Суры нѣтъ, а есть Волга и Ока.

— Такъ развѣ Сура не въ Нижнемъ впадаетъ въ Оку? — Обиженно спрашиваетъ господинъ съ синимъ околышемъ и достаетъ карту Россіи, чтобы доказать невѣжественному нижегородскому обывателю, что онъ не знаетъ такой простой вещи, какъ впаденіе Суры въ Оку у самаго Нижняго. Карта оказывается болѣе освѣдомленной насчетъ географіи Россіи, и ея владѣлецъ сконфуженно умолкаетъ.

За столикомъ, у капитанскаго мостика сидитъ бѣлолицый господинъ, съ веснучатымъ лицомъ, съ рыжей эспаньолкой, въ мягкой сѣрой шляпѣ и сѣрой же разлетайкѣ. Вѣтеръ доноситъ къ нему отрывки приведеннаго разговора и, судя по недовольному лицу чиновника, онъ должно-быть полагаетъ, что рѣчь идетъ о пароходныхъ неудобствахъ. Поэтому онъ встаетъ съ своего мѣста и подходитъ къ бесѣдующимъ.

— Вотъ вамъ и хваленія удобства волжскихъ пароходовъ, — начинаетъ онъ свою филиппику, приправляя ее ѣдкими улыбками.

— А что?

— Да вотъ съ, ѣду во второмъ классѣ и—ха-ха ха! — всю ночь жарился, какъ въ пеклѣ, утромъ всталъ и негдѣ даже съ женою вмѣстѣ чаю выпить: она—въ женской каютѣ, а я въ мужской. Отдѣльныхъ каютъ нѣтъ. Да это на желѣзной дорогѣ во сто разъ лучше.

— То есть, какъ же это? — спрашиваетъ нижегородецъ, къ которому почему-то преимущественно обращала свои слова сѣрая разлетайка. — Въ вагонѣ вы вмѣстѣ съ супругой изволили чай кушать?

— За-то тамъ такой жары нѣтъ, — отвѣчаетъ разлетайка не на вопросъ, а на мыс-

ли, которая, должно быть, его преслѣдуютъ.

— А вотъ-съ, изволите видѣть, — вмѣшивается въ разговоръ господинъ въ интендантской формѣ и съ весьма жестокой улыбкой, — съ меня взыскали за двѣ подушки цѣлую полтину-съ. И это они называютъ удобствами волжскаго путешествія? Диваны безъ подушекъ?! Я, по крайвей мѣрѣ, ха-ха-ха! — попросилъ, чтобы эти драгоценныя подушки были оставлены на день въ моемъ распоряженіи: хоть поваляюсь послѣ обѣда... ха-ха-ха!..

— Помилуйте, — горячо вступаетъ разлетайка, — я первый разъ въ жизни вижу такіе ужасные пароходы. Буду съ женой, а между тѣмъ принужденъ все время находиться отдѣльно отъ нея. Я ѣздилъ на финляндскихъ и балтійскихъ морскихъ пароходахъ, и тамъ ничего подобнаго: всюду отдѣльныя каюты...

— Смотрите, смотрите, — слегка хватая нижегородца за рукавъ, восклицаетъ господинъ съ синимъ околышемъ, выражая сильное удивленіе на своемъ лицѣ. — Вотъ, къ рѣкѣ подогнали скотъ: лошади, коровы и овцы вмѣстѣ всѣ. Развѣ у васъ рогатый скотъ не отдѣляется отъ лошадей?

— Ну, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, — возразила разлетайка. — Въ маленькихъ экономіяхъ всегда весь скотъ вмѣстѣ пасется.

— Скажите! — все еще не потерявши удивленнаго вида, говорилъ синій околышъ. — А вѣдь я думалъ, что ихъ отдѣляютъ изъ опасенія, чтобы рогатый скотъ рогами не причинилъ вреда лошадямъ. Кромѣ того, могло бы произойти смѣшеніе породъ, такъ сказать, кровосмѣшеніе...

— Человѣкъ! — кричитъ интендантскій чиновникъ мимо проходящему лакею.

— Что прикажете?

— Шампанское „монополь“ есть у васъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Редереръ-съ, если позволите...

— Ну, вотъ, ну, вотъ... Развѣ я не говорилъ?! — кипитъ интендантъ. — Вѣдь расхвалить можно что угодно! На любомъ вокзалѣ теперь есть „монополь“, а вотъ на хваленыхъ волжскихъ пароходахъ... Нѣтъ, зачѣмъ я только послушался этого путевода!.. Вѣдь, до Нижняго по желѣзной дорогѣ въ 27 часовъ доѣхать можно! Слава Богу, хоть этого добились, что не надо цѣлую недѣлю тащиться въ воловьемъ поѣздѣ!..

Вѣтеръ свѣжѣетъ. Публика ежится отъ холода и переходитъ въ рубку. Отъ нечего дѣлать начинаютъ обѣдать съ двухъ часовъ.

Полная дама, свѣше бальзаковскаго возраста, изъ типа гражданскихъ кумушекъ, сидитъ за столомъ и въ ожиданіи обѣда бѣсѣдуетъ съ молодымъ человѣкомъ въ шелковой голубой рубахѣ на выпускъ подъ свѣже выглаженнымъ пиджакомъ изъ че-су-чи.

— Я всегда говорила, что нашъ народъ самый миролюбивый. Развѣ возможны у насъ такія отношенія рабочихъ къ хозяевамъ, какъ, напримѣръ, въ Англіи? Никогда!

— Сударыня, — возражаетъ молодой человѣкъ, — у насъ собственно, еще нѣтъ настоящаго фабричнаго рабочаго-пролетарія, но онъ будетъ...

— И не будетъ, потому что нашъ рабочій — собственникъ, — авторитетно рѣшаетъ дама.

— Ну, какая же это собственность — четыре десятины безъ инвентаря! Въ соху же ну не впряжешь, и вся эта собственность выходитъ — нуль. Да и ее фабрикантъ съѣстъ. Я самъ владѣлецъ фабрики и говорю вамъ откровенно — мнѣ совершенно невыгодно, чтобы мой рабочій былъ собственникомъ земли и уходилъ бы на полевые работы, бросая мою фабрику. Вотъ она теперь стоитъ безъ рабочихъ и только убытокъ даетъ. Скушаемъ мы эту собственность, — и фабрики работать будутъ безъ вынужденныхъ перерывовъ, да и для рабочаго это лучше будетъ, чѣмъ теперь работать на два фланга. Земля уже не тянетъ его, и онъ неохотно къ ней возвращается. Тогда ужъ фабрики стоять безъ рабочихъ не будутъ-съ...

— Если только рабочіе не будутъ пьянствовать, — спѣшитъ дама внести поправку. — Вотъ, тоже винная монополія. Все это, конечно, прекрасно. Но, представьте себѣ — вдругъ въ винной лавкѣ продавщицей оказывается бывшая воспитанница Смольнаго! Ну, какъ это вамъ нравится?! Смольнянка — и въ цѣловальницахъ. Ахъ, Боже мой, куда мы идемъ? Я всегда говорила, что мы неправильно воспитываемъ нашихъ дѣтей. Ну, если у васъ нѣтъ средствъ, не отдавайте вашихъ дочерей въ Смольный. Ну, къ чему ей, цѣловальницѣ, всѣ эти *pièces de salon*, которыя она разучивала на фортепьянахъ, тонкій французскій разговоръ, манеры... когда она сидитъ въ трактирѣ, потому что винная лавка — вѣдь это тотъ же трактиръ, только что бутылки не раскупорены!..

— Смотрите, это, кажется, рыбакъ выѣхалъ? — прерываетъ бесѣду господинъ съ синимъ околышемъ, увидѣвшій въ окно рыбачью лодку.

— Да, рыбакъ, — отвѣчаетъ усѣвшійся рядомъ съ нимъ нижегородецъ.

— Такъ здѣсь есть еще рыба? А говорили, что нефть всю ее уничтожила, — какъ будто даже съ нѣкоторымъ огорченіемъ говоритъ синій околышъ.

— И зачѣмъ только стали употреблять эту нефть, — отъ нея запахъ скверный, — замѣчаетъ гражданская дама.

— Ну, сударыня, вамъ это непонятно, — отвѣчаетъ фабрикантъ, — а мы просто вздохнули свободнѣй съ тѣхъ поръ, какъ перешли на нефть. Одного мѣста изъ подъ складовъ дровъ сколько освободилось! Да и экономія въ расходахъ. Будете на выставкѣ, посмотрите нобелевскій павильонъ — роскошь. Представлены промыслы и весь Баку съ его нефтяными заводами.

— Какъ, Баку? — съ удивленіемъ спрашиваетъ синій околышъ. — Вѣдь, нефть добывается въ Батумѣ. Развѣ въ Баку тоже есть нефть?

Невѣжество синяго околыша даже гражданскую даму удивило.

— Вотъ и хорошо, что выставку устроили, — говоритъ она, — по крайней мѣрѣ, вотъ такіе господа, которые изъ Петербурга не сдѣлали шага во всю свою жизнь, узнаютъ немножко свою дорогую родину.

— Конечно, — соглашается фабрикантъ, — но только для того, чтобы изучить выставку, надо посвятить ей, по крайней мѣрѣ, двѣ недѣли.

— Двѣ недѣли?! — съ явнымъ огорченіемъ восклицаетъ синій околышъ. — А я всего уѣхалъ изъ Петербурга на двѣ недѣли, да дней пять мнѣ необходимо изъ этого времени пробыть у тетушки въ Алатырѣ.

Дамъ принесли обѣдъ, синему околышу — пиво, и бесѣда смолкла.

Зеть.